

Сказка первая

Наш пастух детей своих сосчитать не умел. Стол в избе — от стены к стене, садятся вечераً — ведро молока ставят. Хозяйка оладушки печёт, едокам мечет. По три оладушка на каждый рот — и всякий раз с просчётом. То старшие на работе задержатся, то младшие заиграются, а Неумёху ещё и найти надо. Вот и привёл пастух этого Неумёху на базар.

— Даром отдаю в работники. В придачу — корова. Он у нас Неумёха. Ему бы всё воробьёв пасти.

— Зачем паренька обидным словом обзываешь? — говорят люди пастуху.

— Имечко такое. Ребят у нас много, имён на всех не хватило. А Неумёха — он и есть Неумёха. Ногой трях-

нул, лапоток в стенку, бревно — вон! Взялись малые ребята пёрышком играть, дуют, чтоб не опускалось, а Неумёха фукнул — крыша улетела.

Люди смеются. Кому такой работник надобен. И подходит к пастуху бабушка лесная, жена лесника.

— Без коровы беру твоего сына. Внучок мой, Осьмуша, поглядел на солнце и ослеп. Поводырь нужен.

Пастух рад, кланяется.

— Пестравку тоже забирай! Приглядывает за Неумёхой, как нянька.

Привела лесная бабушка паренька и его корову на кордон. Усадила Неумёху и Осьмушу обедать. Работника накорми, а потом уж урок задавай. Уху поставила. Неумёха и говорит слепенькому.

— Ты рыбку ешь, а косточки мне отдавай.

Владислав Анатольевич Бахревский (1936 г.р., Воронеж) — детство прошло в Нижегородчине, на Рязанской земле, в Подмосковье. Закончил Орехово-Зуевский пединститут, мечтал быть учителем, стал актёром народного театра, всю жизнь руководит литобъединениями. В ЛИТО «Основа», созданном Фурмановым, был учеником, теперь работает с молодыми. За годы творчества написано и издано около 130 книг общим тиражом более 10 млн экз. Лауреат многих литературных премий. Убеждён: награда автора — читатели!

— Зачем тебе косточки? — спрашивает Осьмуша.

— Глаза прозреют — сам увидишь зачем.

Носит Неумёха ложку за ложкой ко рту и от чашки до края стола — дорожка: накапано, пролито. Пошла бабушка за тряпкой. А Неумёха капельки да лужицы соединил ногтем и ладонью со стола — в окошко. На столе сухо, зато за окном — озеро. Неумёха косточки собрал — и в озеро. Рыбки поплыли.

— Ай да Неумёха! — сказала бабушка лесная.

Сказка вторая

Ребятё дело — поел и гуляй.

— Бабушка! — просит Осьмуша — теперь у меня поводырь, а я по лесу соскучился.

— С Богом! — согласилась бабушка и наставляет Неумёху,

— Идите, да оглядывайтесь, не позволяйте вершинам небо закрывать. Лес у нас уж такой дремучий — Эхо заблудилось. Мой лесник искать пошёл горемыку.

Ребятишки из избы, и Пестравка — вот она. Травку щиплет, но с приглядом. В бору сосны могучие — как жар горят. Осьмуша и говорит:

— Солнце-то нынче — чистое золото! А под ногами-то как зелено!

— Ты всё видишь! — обрадовался Неумёха.

Вздыхнул Осьмуша:

— Я не вижу, чую да слышу. У мхов всякий шепоток — тайна. Мне бы травяной язык выучить.

Взял Неумёху за руку, ведёт за собой.

— Купавки нас зовут.

И правда — купавки среди папоротников. Неумёха к золотому кусту, а Осьмуша как вскрикнет:

— Ножку царевне отдал! —

Неумёха обмер. Где царевна? Откуда ножки взялись? А у слепенького на незрячих глазах — слёзы. Шарит по земле руками. И ведь верно: на цветок Неумёха наступил. Да Пестравка тут как тут. Языком купавку лизнула, царевна с земли поднялась, лепестки раскрыла благодарно. Сладкий дух на весь бор. Порадовался Осьмуша.

— Добрый у меня поводырь! Не испугаешься? Покажу тебе паучье царство.

— Какой лес без пауков! — говорит Неумёха.

— Тогда веди по теням да по тенётам.

Идут. Паутинки на солнышке сияют. От куста к кусту, от дерева до дерева. Но тень да на тень, тенёта на тенёта. Смотрит Неумёха: куда ни поворотись — паутина. Лучи в паутине вязнут, гаснут. Пестравка-то как замычит. В тенётах будто в сетях запуталась. Глянул Неумёха на вершины, а от неба — лужица. Кинулся Пестравку выручать, но Осьмуша держит.

— Сам паутину с коровы сниму. У меня руки зрячие. С пауками ссориться — беды наживёшь.

А беда — вот она! Мухи в паутине стонут, за деревьями тьма стоит.

— Поворачивать обратно надо! — говорит Неумёха. — Только какая сторона обратная?

У Осьмуши нет заботы:

— Дедушка найдёт Эхо и нас найдёт. В нашем бору, говорит, есть

Сказка третья

две сосны. Одна сосна — царь, другая — царица. Между соснами натянул свою паутину Царь-паук. В эту паутину вплетены все тайны света и все тайны тьмы. Чего нам домой спешить, давай чудо поищем.

А сам паутинку к паутинке, да так бережно, ни одной не порвал. Пестравка почуяла, что свободна, бегом к сосне да по сосне вверх, вверх! Неумёха Осьмушу за руку и за Пестравкой.

— Чего нам дедушку ждать, по вершинам домой вернёмся, Пестравка попусту не пугается.

— Я на дерево не залезу! — испугался Осьмуша.

— У тебя глаза не видят, а я свои зажмурю накрепко, пойдём по сосне как по дороге, — поясок распустил. — Держись, Осьмуша! Главное — никуда не сворачивай.

И по стволу не гляючи, а по вершинам так — уж гуляючи. Хвоя густая, держит. Прямая дорога близкая. Слышит бабушка лесная, корова в небе мычит. Вышла на крыльцо, а внучок с поводырём, с Пестравкой — на сосне. Охнула!

— Деда всё нет! Как же мне, ребятишки, на землю вас опустить, да с коровой?

А Пестравка:

— Му-му.

У неё молоко из сосцов капает. Неумёха и говорит Осьмуше.

— Была не была! Я сяду Пестравку доить, а ты за струйку молока ухватись и лети, как дождичек.

Глядит бабушка: вот те раз! Молочный дождик с неба. Белые дождинки Осьмушу на землю несут.

— Бабушка, я тут!

Неумёха тоже не сплоховал. Надоил молока в лапоть, напился: сыт и весел. И Пестравка весела. Вымя лёгкое, хвоинки вкусные. Пошла пастишь.

— Ладно! — говорит бабушка, — Ты, поводырёк, со своей коровой погуляй, дедушку подожди, а я пирогов напеку. Мой лесник пироги за сорок вёрст чует, веселей ему будет шагать.

Бабушка у печи, Неумёха Пестравку пасёт по вершинам, а что Осьмуше без поводыря делать? Сел на крыльчке, перебирает ветерки как струны. Ветерки звенят ласково. Но чует Осьмуша, что-то не так. Птицы не поют, вершины не шумят. Со всех сторон шорохи к сторожке подступают.

— Что тебе видно сверху? — спрашивает Осьмуша поводыря. Огляделся Неумёха.

— Солнце к лесу клонится, а между деревьями тьма тьмущая.

— Я слышу шорохи. Кто-то крадётся!

— А это гусеницы по соснам ползут, — говорит Неумёха. — Господи! Земля-то от гусениц шевелится. Мохнатые, чёрные. Паутину тянут. Землю от неба прячут, в куколку закатывают.

— Это непарный шелкопряд — лесу погибель! — заплакал Осьмуша и к бабушке.

А Пестравке от мохнатых гусениц щекотно. Лягнула ногой, боднула рогами — да в солнце. Глядит Неумёха: солнце на рогах у коровы. Пестравка головой мотает, да без толку. Осенило:

— Терпи, коровушка! Вместе с солнцем на землю сядем.

Ухватил Пестравку за шею, и ухнули они в лесные чащобы. А чащобы — страсть Божия. Паутина паука — второе солнце, а паутина мохнатых гусениц — липкая мерзость. Гусеницы ползут, паутина ползёт, а по паутине поверху тьма тьмушая накатывает, как половодье. Погнал Неумёха Пестравку домой, но солнце-то на рогах! За такие шалости бабушка по головке не погладит. Выбрались на поляну, ухватил Неумёха солнце, тянет — ни туда ни сюда. Что делать? Забрался на дерево, солнце обнял, да как крикнет.

— Пошла!!!

Пестравка бегом, солнце в руках у Неумёхи, а сучок-то под ним — хрясь! Хлопнулся Неумёха о землю, а солнце в лес закатилось. Дело сделано!

Неумёха отряхнулся и пошёл. Тут солнце и говорит поводирую.

— Что же ты меня бросаешь? Как я с такими дырами белому свету покажусь? Ты погляди, погляди на меня — я всё в чёрных пятнах!

Неумёхе стыдно, не удержал солнце.

— Ладно! — говорит.— Дырки заткнуть можно. Пятна ототру, постараюсь.

Завернул солнце в рубаху и, Пестравкой заслоняясь, мимо сторожки. Корову в хлев, солнце в баню, в котёл. Сам к бабушке.

— Пестравка молока принесла, подои. Пестравка любит тебе молоко отдавать.

Осьмуша поводирую обрадовался, но шепчет на ухо с тревогой.

— Чую, раньше времени ночь пришла. Заря меня в щёчку целует, а нынче зари на небе не было.

Неумёха подождал, когда бабушка уйдёт корову доить, говорит Осьмуше.

— Мне твои зрячие руки нужны.

Привёл в баньку, а банька — краше царских палат. Всякий сучок в бревне — будто звезда, всякий кирпич в печке — золото. Но солнце грустное. Потрогал Осьмуша дырки, тоже загрузтил.

— Нужна нить золотая, а иголка — так бриллиантовая...

Неумёха покумекал, покумекал — и на огород. Принёс две морковки с ботвой. Дырки морковками заткнул, края дырок слюнями обмазал. Пожалуйста, морковки впору пришлись, и ботва сгодилась. Растут на солнце два куста узорчатых.

— Пятна ночью ототрём, — говорит Неумёха Осьмуше. Бабушка с дойки пришла радостная.

— Пестравка два ведра молочка дала!

А сама — к окошку.

— Солнце будто в яму провалилось. В лесу — тьма тьмушая. Как дедушка сторожку разглядит во мраке непроглядном?

Принялась собирать ужин, вздыхает.

— Не бывало такого, чтоб летом при лампе вечерять. Пойду зажгу, уж очень темно в избе.

Тут Неумёха парного молочка зачерпнул кружкой, даёт Осьмуше. Осьмуша пьёт и светом наливаются.

— Что за диво! — бабушка глазам не верит.

А Неумёха тоже кружку молока хватил: в избе — день деньской.

— Вот оно как, по вершинам пасть, — говорит бабушка. — Хвоинки-то — с солнышком.

— Бабушка, ты тоже молочка выпей! — Неумёха третью кружку зачерпнул, а ведра на лавке стояли, зацепил второе ведро и — на тебе! —

опрокинул. Молоко светоносное — на пол и в щели. Бабушка — ох да ах! А сама к окошку.

— Гляди-ко!

Видит Неумёха от сторожки в лес ручеёк-светлячок.

— Вот и дедушке дорожка!

А Осьмуша — зевать.

— Спать пора. Дедушка любит, когда у меня глазки выспались — солнышку радуются.

Сказка четвёртая

В полночь Неумёху и Осьмушу разбудил крик петуха. Вскочили с постели — и в баньку. Пятна на солнце мочалкой оттирали, дедушкиной рукавицей, мыли щёлоком. Чернота сошла, а пятна всё равно проступают.

— Выкупаем солнце в молоке! — догадался Неумёха. Умывали, умывали, напоследок окатили как младенца. Солнышко просияло — да в дверь, да по лужку — в озеро. И нет его!

— Где? Где? Где? — шепчет Осьмуша. — Я не чувствую лучей. Солнцу вставать пора!

— Пошли, поищем, — говорит Неумёха, привёл слепенького на озеро, а озеро — тёмное. По окаёму — вроде светает.

— Искорка! — обрадовался Осьмуша.

И верно: искорка по краю земли.

— Макушка без волос!

— Зато с ветками с густыми, — углядел Неумёха. — Два дерева. Да это наши морковки!

— Какое солнце круглое! Какое солнце белое! Смотрю — и глазам больно.

Неумёха слушает Осьмушу — и молчок. Не спугнуть бы счастье. А Осьмуша догадался, в чём дело.

— Солнце белое от молока Пестравки.

— Солнце, слава богу, встало, а мы пойдём сны досматривать!

Неумёха Осьмушу за руку и увёл в дом поскорее.

Сказка пятая

Проснулись, а бабушка дедушку парным молоком потчует. Пестравка на лужку, но трава паутиной затянута, сосны в белых коконах.

— А где Эхо? — спрашивает Осьмуша.

— Где ж ему быть, в лесу! — говорит дедушка.

Осьмуша и Неумёха — на крыльцо, в два голоса позвали:

— Э-э-э-хо-о-о!

А лес молчит. Зато в чулане кто-то кашляет.

— Кхе-е-е! Кхе-е-е!

— Эхо было в немочи, я ему в чулане постель постелила! — призналась бабушка. Осьмуша — в чулан и ведёт Невиданное. Невиданное в паутине, а на паутине мохнатые гусеницы шевелятся.

— Дедушка, кого ты в дом привёл?! — испугался Осьмуша.

А все молчат. Все на Осьмушу смотрят. Тут уж и он сообразил.

— Я — вижу! — да тотчас и опечалился. — Вижу, но не слышу. Я птиц не слышу. В лесу, где птицам нет места, Эхо — не жилец.

— Беда, — закручинился лесник, — от непарного шелкопряда не спасти нам наших лесов. Спасителя такого нет.

— А может, и есть, — говорит лесная бабушка. — С нами Неумёха. Он ничего не умеет, да воробьям пастушок.

— По воробушкам я давно соскучился, — говорит Неумёха, а сам к Пестравке, погладить.

— Му-у-у-у! — сказала Пестравка.

И нет Неумёхи. Зато воробей — вот он.

— Жив! — кричит. — Жив-жив!

Упорхнул. Осьмуша тоже к Пестравке подошёл.

— Бабушка! Дедушка! Я Пестравку вижу! Я озеро вижу! Рыбки-то как плещутся! — и заплакал. — Дедушка, мне на лес смотреть больно.

— На небо смотри! — говорит дедушка. — На небе — солнышко.

А бабушка охает.

— Смотрите, какая туча заходит!!!

Осьмуша глаза поднял: верно, туча движется по окоёму, а над кордоном через всё небо будто сеть тянут.

— Да это воробьи! — углядел Осьмуша. Пала сеть на вершины сосен, на траву. А за воробьями синицы примчались, зарянки, теньковки, зяблики, скворцы.

— Ай да туча! — порадовалась бабушка. А лесник-то приплясывает.

— Иволги свистят! Горихвостики огоньки свои принесли.

Птиц всё прибывает, прибывает. Дрозды трещат. Трясогузки бегают.

— Синехвостики! — встречает птиц дедушка. — Рябинники! Овсянки! А это, Осьмуша, крапивники.

Пала на траву стая завирушек, на кусты пуночки налетели. Над озером камышовки порхают.

— Вот какой у меня поводырь! — Осьмуша Пестравку гладит. — Ешь травку. Ни единой паутинки не видно.

А Пестравка:

— Му-у-у-у! — Неумёху зовёт.

— Да вот он я! Жив-жив! — воробей на Пестравке сидит, пёрышки чистит.

— Садись и ты, Осьмуша! Поехали к Царю пауков.

— Можно? — спрашивает Осьмуша бабушку.

— С Неумёхой да с Пестравкой — можно!

А дедушка-лесник Эхо ведёт.

— Возьмите, ребятки, с собой. Пусть ветерками обдует. Очистит от паутины.

Идёт Пестравка бором. Сосны — золотые, вершины шумят, птичьи пересвисты, трели. А деревья вдруг как расступятся! И вот оно — земное солнце Царя-паука между двух золотых сосен. От земли до вершины — узоры несказанные, влекущие, всякая нить на узорах тайнами унижена.

— Ах! — вырвалось у Осьмуши.

— Ах! — ахнуло Эхо, сидя на Пестравке, а другое «ах!» уже среди сосен, третье — радостное, но уже далёкое.

— Ах! Ах! Ах! Ах! Ах!

Пестравка подошла к паутине, рогом нить подцепила, раздвинула, воробей — фыр-р! Пролетел в паучье царство, о землю вдарился: Неумёха стоит, смеётся.

— Пролазь, Осьмуша!

— У бабушки надо спроситься.

— Ну ладно! — согласился Неумёха. — Мы с Пестравкой поглядим, какие чудеса у паука, потом вместе сходим. Пауки-мастера может и меня, несручного, научат доброй работе.

Пестравка полог паутины раздвинула, пошла к Неумёхе, а Эхо за их спинами всё ахает.

— Му-у-у-у-у! — сказала Пестравка.

А по лесу-то: У-у-у-у! Уу-у-у-у! Будто стадо пастух пасёт.